
А. А. ШАЙКИН

История и сказка в «Повести временных лет»

В вопросе о взаимодействии летописного текста со сказочными истоками можно встретиться с двумя противоположными позициями. Согласно одной из них, представленной, например, С. Н. Азбелевым, «прямого использования песенных или сказочных сюжетов, а тем более — включения подобных произведений в летописный текст не наблюдается».¹ Согласно другой позиции, сказочную структуру и сказочные функции, выявленные В. Я. Проппом в «Морфологии сказки», можно обнаружить не только почти в любых нарративных текстах, но даже и в «композиции» реальных исторических событий. Например, А. М. Еременко формулирует в терминах Проппа «инвариант любой последовательности исторических событий».²

Материал ПВЛ в его начальной части «разочаровывает» в этом отношении: ни пропповская схема, ни ее модернизация,³ ни семичленная конструкция Еременко⁴ не релевантны летописному ходу событий. Можно, конечно, «приладить» отдельные функции к отдельным эпизодам. Так, например, в дележе земли сыновьями Ноя можно усмотреть сказочный дележ отцовского наследства, но в летописи (и ее источниках) нет обязательного для сказки ущемления интересов младшего, третьего сына (брата): Иафету достается ничем не худший «жребий» по сравнению с Симом и Хамом, скорее напротив. Главное же, что из этого дележа не происходит никакого predeterminedного им сюжета, если не иметь в виду длящийся по сей день сюжет всемирной истории. Строительство столпа в летописи («умножившемся челоуѣкомъ на земли, и помыслиша создати столпъ до небесе»⁵ (С. 10)) можно трактовать как скрытую «недостачу» и одновременно невысказанный «запрет», ибо Господь, оглядев строение, тотчас разрушил его, но это — слишком общие и не отвечающие сказочной последовательности ситуации. Кроме того, здесь нет героя как отдельной личности, пре-

¹ Азбелев С. Н. Летописание и фольклор // Русский фольклор. М.; Л., 1963. Т. 8. С. 28.

² Еременко А. М. Событие бытия, событие сознания, событие текста // Человек. 1995. № 3. С. 36—51.

³ Их обзор см. в разных разделах сборника научных трудов «Структура волшебной сказки» (М., 2001), в особенности с. 199—233.

⁴ Вместо пропповских 31 функции с массой их разновидностей в «Морфологии сказки» (М., 1968) А. М. Еременко оставляет 7 пунктов: «1) нарушение гармонического состояния; 2) Герой решается на сопротивление; 3) борьба Героя с Антагонистом; 4) разрушение старых форм социальной жизни — победа Героя; 5) создание новых форм социальной жизни; 6) новое гармоническое состояние — ликвидация недостачи; 7) гибель Героя и присвоение плодов его деятельности ложными героями. Исторический сюжет имеет, как правило, другую, отличную от сказки, концовку» (Еременко А. М. Событие бытия... С. 37—38).

⁵ Текст цит. по изд.: Повесть временных лет. М.; Л. 1950. Ч. 1—2. Страницы указываются в скобках в тексте.

следующей свои цели, т. е. того, чем отличается сказочное развитие.⁶ Нет смысла искать сказку в летописных событиях до тех пор, пока не появится человек со своими интересами.

Можно, конечно, попробовать увидеть такую «коллективную личность» в славянском племени.⁷ Тогда в качестве «исходной ситуации» (i)⁸ окажется «По мнозѣхъ же времянѣхъ съли суть словѣни по Дунаеви», «причинением вреда антагонистом» (А) — «Волхомъ бо нашедшемъ на словѣни на дунайския, и съдшемъ в них и насиляшемъ имъ»; в вынужденном расселении славян — «от тѣхъ словѣнъ разидошася по землѣ» (С. 11) — можно увидеть «убегание „скромного“ героя или скрывание его под личиной»⁹ (в реальной последовательности летописного текста есть инверсия: вначале рассказывается о расселении, а потом сообщается о «волохах» как причине расселения). Более того, появляется «чудесный помощник» и оставляет «чудесное средство» — имеем в виду ап. Андрея и крест, оставленный им на днепровских горах, но эти эпизоды не являются единым сюжетным развитием, это коллаж, имеющий «связность» на уровне достаточно сложного идеологического построения летописи,¹⁰ а не сказочной схемы.

В Кие при желании можно увидеть «помощника», устраивающего некое изначальное состояние «героя» — полян, в сюжетах о дубебах и обрах, «хазарской дани» можно усмотреть «предварительное испытание» (Г) славян как коллективного героя, но все это разрозненные элементы с отдельными, а не системными соответствиями сказочной схеме; по своей же внутренней сущности сюжеты эти, как и сюжет о Кие, — формы национальной исторической памяти, а именно — предания, со своей поэтикой и структурой.

Отдельный персонаж в качестве героя появляется в лице Олега Вещего, но «сюжет» его деяний не соответствует сказочной схеме и лишь в отдельных звеньях укладывается в схему А. М. Еременко. Смерть Рюрика можно идентифицировать как «*нарушение гармонического состояния*» (1), но на «героя» никто не нападает, не причиняет ему вреда, «*борьбу*» Олега с Аскольдом и Диром нельзя считать «*сопротивлением*» или «*борьбой*» с «*Антагонистом*», скорее это — борьба с «*ложными героями*», звено, располагающееся в конце сказочной схемы (т. е. пункты 2 и 3, без которых рушится вся схема, отсутствуют). Пункты 4 и 5 («*разрушение старых форм социальной жизни — победа Героя*» и «*создание новых форм социальной жизни*») в летописном сюжете об Олеге имеют место — его борьба с отдельными племенами, создание государства, объявление Киева столицей. Видимо, можно признать и наличие 6-го пункта — «*новое гармоническое состояние — ликвидация недостатка*»: «И живяше Олегъ миръ имѣа ко всѣмъ странамъ, княжа в Киевѣ». Пункт 7 — «*гибель Героя и присвоение плодов его деятельности ложными героями*» — реализуется только в части «*гибели*»; «*ложные герои*», Аскольд и Дир, были устранены раньше; Игоря же нельзя отнести к ложным героям. Те или иные соответствия пропповским функциям, особенно в их редукциях и адаптациях продолжателями, можно обнаружить в летописных биографиях Игоря и Святослава, однако здесь мы не найдем необходимых элементов сказочного развития — семейной темы и борьбы за «царевну».¹¹

⁶ См.: Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. М., 1958.

⁷ См.: Шайкин А. А. Эпические герои «Повести временных лет» и способы их изображения // РЛ. 1986. № 3. С. 89—108.

⁸ Здесь и далее используем терминологию и условные обозначения «Морфологии сказки» В. Я. Проппа; дополнительные термины его последователей и продолжателей оговариваются.

⁹ Мелетинский Е. М., Неклюдов С. Ю., Новик Е. С., Сегал Д. М. Проблемы структурного описания волшебной сказки // Структура волшебной сказки. М., 2001. С. 23.

¹⁰ См.: Шайкин А. А. Поэтика начал и концовок в «Повести временных лет» // РЛ. 2002. № 4. С. 13—31.

¹¹ О значении семейной темы в сказке см.: Мелетинский Е. М. и др. Проблемы структурного описания волшебной сказки. С. 14, 15, 20, 31, 33, 37, 41, 44 и др.

В целом в начальной части ПВЛ господствует библейский перечислительно-описательный стиль: здесь идет речь о мировых судьбах, судьбах человечества и его части — славянства. Фольклорные сюжеты появляются и здесь, например, путешествие апостола Андрея, сюжеты об обрах и хазарах, но стихии сказочно-го в них нет, это сюжеты легендарного и притчевого характера.

Тем не менее в ПВЛ есть очевидные реминисценции из сказочного фонда, а кроме того, есть фрагменты текста, обнаруживающие связь со сказкой на уровне структуры и функциональных аналогий.

К числу очевидных заимствований из репертуара бытовой сказки X—XI вв. можно отнести летописный эпизод о «белгородском киселе»,¹² где есть мудрый старец, находящий выход из безвыходного по видимости положения, и есть фольклорные дурни — печенеги. Сюда же надо приплюсовать эпизод о киевском юноше, который, помахивая уздечкой, прошел сквозь печенежский стан, и, пожалуй, историю с воеводой Претичем, «обманувшим» и печенегов, и печенежского князя. Преимущественно сказочную природу обнаруживал С. Н. Азбелев в летописном эпизоде о Кожемяке, хотя, с нашей точки зрения, фольклорный источник этого сюжета имел синкретическую жанровую природу: сказка здесь еще не разошлась с эпической героикой (сюжет рассмотрен ниже). Связи этих летописных эпизодов со сказкой очевидны.

Вместе с тем в тексте ПВЛ есть фрагменты, в которых сказочная основа несет смыслы, либо трансформирующие традиционную сказочную схему, либо выходящие за рамки возможностей сказки. Надежным инструментом выявления сказочной структуры остается все та же проповедская «морфология» с ее развитием в статьях упомянутого сборника «Структура волшебной сказки».

С очевидностью «сказочное» (как категория) обнаруживается в истории мщений Ольги древлянам. После гибели мужа Ольге выпадает роль «царицы», вдовы и невесты одновременно. Древляне через брак своего князя Мала с Ольгой решили завладеть Киевом и с этой целью отправили к ней послов-сватов, предложив ей тем самым роль невесты. Ольга решает вести игру с древлянами и трижды уничтожает их посольство, притворно соглашаясь на брак с Малом. Первое посольство по ее приказу живьем закапывают в яме, второе — сжигают в бане, с третьим — расправляются на тризне по Игорю. Эти эпизоды соотносятся со сказочным сюжетом о сватовстве к неприступной царевне, испытывающей женихов «трудными задачами» (АТ № 513 А, а также 329, 410, 461, 519, 530 с подтипами А, С*, D*, 531, 532 и многие другие¹³).

Итак, древляне убивают Игоря и сватаются (князь Мал) к его вдове Ольге — коллизия, зафиксированная этнографией и сказкой. Такая форма наследования власти как реальный институт описана Джемсом Фрээрером.¹⁴ По мысли Дж. Фрээрера, народная сказка, варьирующая «сюжет о человеке, пришедшем в чужую страну и завоевывавшем руку царской дочери, а с ней половину или все царство», является отголоском «совершенно реального обычая древности».¹⁵

¹² С. Н. Азбелев в упомянутой статье отрицает только «прямое» использование сказочных сюжетов. Конечно, мы не найдем в летописи специальных записей фольклорных текстов, но это не должно препятствовать распознаванию сказочного сюжета за летописной ситуацией.

¹³ См.: Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг и др. Л., 1979 (далее — СУС).

¹⁴ Ср.: «...у некоторых арийских народов на известной стадии их общественного развития существовал обычай, по которому царское происхождение или царская кровь передавались не через мужчин, а через женщин, по которому также трон из поколения в поколение переходил к мужчине чужого рода, иногда даже и чужеземцу, который, женившись на одной из царевен, делался царем у народа своей жены» (Ф р э э р Дж. Золотая ветвь. Вып. 1. Магия и религия. Изд. Науч. об-ва Атеист, 1928. С. 182. Перизд.: М., 1980. С. 180); процитированный фрагмент предпочитаем в переводе 1928 г.

¹⁵ Там же.

Трагизм ситуации состоял в том, что старый царь при этом должен был быть убит. Царевна-невеста оказывалась в трудном положении: «Как дочь, она будет ненавидеть мужа, который несет смерть ее отцу. Как передатчица престола, она должна выполнить свой гражданский долг и идти вместе с женихом против отца. И то, и другое она в разных сказках собственноручно выполняет».¹⁶ В. Я. Пропп говорил о необходимости видеть сложную природу сказочной невесты: «Те, кто представляет себе царевну сказки только как „душу-красную девицу“, „неоцененную красу“, что „ни в сказке сказать, ни пером описать“, — ошибаются. С одной стороны, она, правда, верная невеста, она ждет своего суженого, она отказывает всем, кто домогается ее руки в отсутствие жениха. С другой стороны, *она существо коварное, мстительное и злое, она всегда готова убить, утопить, искалечить, обокрасть своего жениха...*».¹⁷

Вышеупомянутый фрагмент текста летописи соответствует пропповской «исходной ситуации» (i) — «Вольга же бяше в Киевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтскомъ Святославомъ, и кормилецъ его Асмудь, и воевода бѣ Свѣнелдъ» (С. 40) и «вредительству» (А) в форме сватовства (сопоставимо с А¹⁶ — «угроза насильственного супружества», что соответствует летописной ситуации: «Се князя убихомъ рускаго; поимемъ жену его Вольгу за князь свой Малъ и Святослава, и створимъ ему, яко же хоцемъ»).

При наложении сказочных коллизий на летописные эпизоды о мщениях Ольги древлянам возникают два несоответствия. Во-первых, Ольга — не дочь, не царевна, а вдова и полновластная царица. Во-вторых, нет отца, старого царя, который бы стоял на пути зятя-жениха (в летописи — древлянского Мала). Однако В. Я. Пропп фиксирует ситуации, близкие летописным: «С устранением дочери царя ее роль в фольклоре переходит на вдову царя»,¹⁸ и, стало быть, в роли «старого царя» в летописном случае оказывается сам Игорь. Таким образом, ряд соответствий известной сказочной коллизии с треугольником из «старого царя», его дочери (или вдовы) и будущего зятя в ПВЛ налицо. Убийство Игоря с этой точки зрения может быть объяснено не только как устранение насильника, но и как «старого царя», на царство которого претендует древлянский Мал.¹⁹ Он действительно тотчас после убийства Игоря сватается к Ольге. Как и положено сказочной невесте, Ольга задает древлянам «трудные задачи» (функции «начинающееся противодействие» (С) и «трудная задача» (З)). При этом важно, что в сказке «жених испытывается в овладении тайнами, специфически для того родового объединения, в которое он будет принят через брак».²⁰ Ольга в летописи также испытывает древлян в знании своих, полянских, обычаев. Поэтому она и казнит их вроде бы не только за то, что они — убийцы ее мужа, но и за то, что они как сваты, заместители жениха, не могут решить задачи невесты.

¹⁶ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946. С. 312.

¹⁷ Там же. С. 277 (курсив наш).

¹⁸ Пропп В. Я. Эдип в свете фольклора // Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избр. статьи. М., 1976. С. 292.

¹⁹ Дж. Фрэнгер приводит многочисленные материалы, связанные с престолонаследием через убийство царя: «В Бенгалии <...> престолонаследие лишь в незначительной мере зависит от родословной претендента <...> Царем там безотлагательно признают всякого, кто убил своего предшественника и занял его трон»; в княжестве на побережье Суматры претендент тотчас после совершения убийства старого царя «усаживался на трон и, если ему удавалось удерживать его в своих руках на протяжении одного дня, считался законным правителем»; «сообщают о существовании такого же обычая у древних славян. Когда захваченные в плен Гунн и Ярмерик убили князя и княгиню славян и пустились в бегство, язычники кричали им вдогонку, чтобы они возвратились и правили вместо убитого князя», и т. п. См.: Фрэнгер Дж. Золотая ветвь. М., 1980. С. 312—315, 329 и др. (выделение наше).

²⁰ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. С. 309.

Древляне первого посольства не смогли уловить скрытую смертельную угрозу в несении в ладьях, ибо надо было знать, что в ладьях поляне отправляли на тот свет покойников.²¹ При этом в собственных ладьях предавались смерти, видимо, только знатные люди²² (для бедняков делали специальный маленький «корабль»), так что древлянам действительно оказывалась «честь» — только честь особого рода. Возможно также, что, подбивая древлян отказаться ехать на коня или идти пешком, Ольга переводит их в статус покойников — покойники не ходят, не ездят, их носят.²³ Но эти обертоны, содержащие похоронный смысл, сокрыты от древлян-сватов.

Второе посольство древлян-сватов Ольга сжигает в бане. Ф. И. Буслаев приводит интересную параллель со скандинавским героем Стиром, таким же образом поступившим с опасными для него служителями. При этом баня там одновременно являлась и ямой, ибо была вырыта в земле — нечто похожее на землянку. «Таким образом, — говорит Ф. И. Буслаев, — то, что в предании об Ольге совершается в два приема, то в скандинавском сказании соединено вместе».²⁴ Так или иначе, покойника перед погребением обмывают, и покойник должен быть сожжен: древлянская баня здесь как бы совмещается с ладьей, в которой русы сжигали покойника.

Ольга говорит древлянам: «*Измывшеся* придите ко мнѣ». В слове «измывшеся» первое значение — «мыть», «вымыться», второе значение — «обмывать» (о покойнике), а в качестве переносных значений словари дают нечто, связанное то ли с чистотой, то ли с честью: «измытися и ч(с)ти будете и о(т)имете лукавство. пре(д) очима вашима; <...> слыши(м) Исаию, глаголюща: измытися и чти будете»,²⁵ — так что и здесь Ольга пользуется словом-загадкой, разгадать которую древляне оказываются бессильны. Подчеркиваем, что Ольга и на этот раз сообщает древлянам о том, что с ними может произойти, но разгадать это сообщение не просто.

Перед третьей мезью между Ольгой и древлянами происходит диалог, в котором А. С. Демин расслышал ту же игру словами, прежде от нас ускользавшую. Напомним, что Ольга, притворно согласившись на брак с Малом, попро-

²¹ По наблюдениям В. Я. Петрухина, «ритуал погребения в ладье, будучи характерным для скандинавов, был лишь частью ритуально-мифологического комплекса, связанного с представлениями о путешествии в лодке на тот свет и присущего как скандинавам, так и славянам, а также балтам...» (Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков. М.: Смоленск, 1995. С. 205). Сходные представления фиксировались у сибирских финно-угров: «С представлениями об „уходящей вниз по реке“ душе связан обычай хоронить покойника в лодке или изготавливать гроб из челнока» (Р а т о б ы л ь с к а я А. В. Летописный рассказ о «движении волхвов» и религиозные представления финно-угров // Славяноведение. 1996. № 5. С. 59).

²² См. описание похорон «руса»: Путешествие Ибн Фадлана на Волгу / Перевод и коммент. А. П. Ковалевского. М.; Л., 1939. С. 78—83. Русов же летописец отождествлял прежде всего с полянами: «поляне, яже ныне зовомая Русь» (С. 21).

²³ Сходное толкование см.: Д е м и н А. С. О древнерусском литературном творчестве. М., 2003. С. 28.

²⁴ Б у с л а е в Ф. И. Соч. Т. 2. Сочинения по археологии и истории искусства. СПб., 1910. С. 77. С другой стороны, саги знают отказ от сожжения дома противника как безнравственного акта: «Мард сказал: „Давайте подожжем дом!“ — „Ни за что!, — сказал Гицур. — Даже если бы я знал, что от этого зависит моя жизнь“ <...> Мард снова предложил поджечь дом. Гицур сказал: „Я не знаю, зачем ты предлагаешь то, на что никто из нас не согласен. Мы никогда не пойдем на это“» (Сага о Ньяле // Исландские саги / Ред., вступ. статья и примеч. М. И. Стеблина-Каменского. М.: ГИХЛ, 1956. С. 570). Так что «списание» этого акта Ольги на счет ее варяжского происхождения (Р ы б а к о в Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 178, 180—181) не имеет надежного основания.

²⁵ См.: Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.) / Гл. ред. Р. И. Аванесов. М., 1991. Т. 4. С. 41; Словарь русского языка XI—XVII вв. М.: Наука, 1979. Вып. 6. С. 183. Следует, может быть, добавить, что в этом же гнезде и слово «измыватися» в значении «насмехаться, издеваться».

сила древлян устроить до свадьбы тризну по Игорю. Древляне все подготовили и встретили Ольгу у Игорева могилы неподалеку от Искоростеня. Понятно, что они спросили княгиню о тех двух посольствах, которые были отправлены к ней прежде. «И рѣша древляне к Ользѣ: „Кдѣ суть дружина наша, ихъ же послахомъ по тя?“ Она же рече: „Идутъ по мнѣ съ дружиной мужа моего“» (С. 42). Вот к этим-то словам А. С. Демин и присмотрелся: «Но что значит выражение „Идутъ <...> съ дружиною мужа моего“? Почему Ольга употребила несколько странное словосочетание „дружина мужа моего“? Почему о заживо погребенных (и сожженных в бане. — А. Ш.) древлянах она сказала „идутъ“? Потому что обе дружины были одинаково перебиты: дружина Игоря — древлянами, а дружина древлян — Ольгой. Древляне по милости Ольги действительно „идутъ“ вслед за дружиной ее мужа. Ольга вовсе не пошла на примитивный обман, а ответила скрытой и довольно изощренной „загадкой“». ²⁶ Вослед той и другой дружины вскоре отправятся и те, кто сейчас вопрошает Ольгу, ибо они опять не расслышали ее слов и не поняли, что тризна по Игорю — это тризна и по ним самим: кровавое избиение 5000 древлян Ольга превращает в элемент тризны. Кроме того, сама тризна — это обрядовая военная игра, корневое значение слова тризна — «бой, поединок; „тризнице“ — место боя <...> Корень слова тризна можно предполагать *tri* в значении побеждать, превосходить (в борьбе)». ²⁷ Этих значений также не расслышали древляне в словах Ольги «створю тризну мужю своему» (С. 41). ²⁸

Многоразличны связи летописных эпизодов с похоронным обрядом. ²⁹ Покойника перед сожжением замуровывали в земляную яму, где он находился до десяти дней — пока совершались ритуальные приготовления: шились специальные одежды, готовился хмельной напиток, завершала свой земной путь девушка, которую должны были сжечь вместе с покойником. В летописи также замуровывание в яме предшествует сожжению, если отвлечься от того, что закапывают одних, а сжигают других — структура обряда тем не менее сохраняется. Сожжение — обязательный элемент: воины Святослава сжигают трупы убитых в бою товарищей, обложив их кострами. При этом в жертву приносится много пленных мужчин и женщин, что может быть привлечено как аналог «иссечения» Ольгой 5000 древлян на могиле мужа. На птиц, правда большей частью петухов и кур, как элемент жертвоприношений при похоронном обряде указывают разные авторы. ³⁰

²⁶ Демин А. С. О художественности древнерусской литературы / Отв. ред. В. П. Гребенюк. М., 1998. С. 101—102.

²⁷ Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 1—2. Репринтное изд. М.: Индрик, 2000. Т. 1. С. 76.

²⁸ Есть тут еще один момент — питье меда, которое обычно сводят к бытовому спаиванию древлян с тем, чтобы легче было их перебить. Н. М. Гальковский высказывает соображение, что в древности имело место питье вина не только во здравие, но и на погибель своих врагов, что выражалось формулой «пити на ня» (Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества... Т. 1. С. 171). В тексте ПВЛ об этом говорится так: «И яко упишася древляне, повелѣ отрокомъ своимъ пити на ня, а сама отъиде кромѣ, и повелѣ дружинѣ своей съчи древляны; и исъкоша ихъ 5000» (С. 42), т. е. отроки Ольги «пьют на ня» уже после того, как древляне «упились». Но сам же Н. М. Гальковский указывает, что эту же формулу произносит и котопан, желая отравить Ростислава («Княже! Хочу на тя пити»). Там же, и Ростислав не заподозрил неладного. Это ставит под сомнение догадку Н. М. Гальковского.

²⁹ См., например, богатую материалами и пронизательными наблюдениями работу: Чекоева И. Летописное повествование о княгине Ольге под 6453 г. в свете русской народной сказки: Опыт определения жанровой природы // Старобългарска литература. София, 1990. Кн. 23—24. С. 77—98.

³⁰ Материалы к указанным аналогиям см.: Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. С. 78—83; Левицкий Д. И. История. М., 1988. С. 78; Константин Багрянородный. Об управлении империей // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 272—273.

Сватовство здесь оказывается метафорой похоронного обряда, и это не является чем-то исключительным: В. К. Соколова показала, что метафора «смерть — свадьба» восходит к древним славянским представлениям и широко разработана в русском фольклоре.³¹ Сказка же в свою очередь выростала из обрядов инициации, свадебного и похоронного, имеющих немало пересекающихся, тождественных элементов.³² Суммарно характеризуя эпизоды мщений, Д. С. Лихачев писал: «Несение в ладьях — первая загадка Ольги, она же и первый обрядовый момент похорон, баня для покойника — вторая загадка Ольги — второй момент похорон, тризна по покойнику — последняя загадка Ольги — последний момент похорон».³³

Четвертая мсть Ольги — сожжение Искоростеня, выпадая из сказочной «троичности», вполне увязывается с логикой образа и характера Ольги: она и здесь добивается своего хитростью. Кроме того, похоронный обряд, начатый в трех мщениях, оказывается, еще не закончился: птицы, которых Ольга просит у жителей Искоростеня в качестве дани, — это не только средство поджога города,³⁴ это опять загадка — именно птиц закалывали русские при поминальном обряде.³⁵ Птицы издавна связываются с душами, они доставляют души в иной мир: так что, давая дань птицами, древляне как бы вручают Ольге и свои души, а выпускание птиц, голубей — выпускание душ (Н. И. Толстой), этим Ольга, возможно, завершала уже не погребальный, а похоронный обряд в широком смысле, включая и удаленные от дня похорон ритуалы.

Может быть, в этом сюжете можно усмотреть след сказочного мотива о женщине — властительнице мира природы, которой подвластны звери и птицы, выполняющие ее приказы.³⁶

Все вышеизложенное, кажется, достаточно свидетельствует о тесной связи летописных эпизодов мщений Ольги древлянам со сказочным мотивом «трудных задач».³⁷ В действительности же на этом соответствии со сказкой заканчиваются, и вдруг обнаруживается нечто прямо ей противоположное. По существу, перед нами «антисказка». Сказочный герой всегда решает задачи царевны-невесты и достигает своих целей (сказка не рассказывает о тех, чьи головы висят на ограде, окружающей царский двор). Ольга же «опровергает» сказку. Древ-

³¹ Соколова В. К. Об историко-этнографическом значении народной поэтической образности: (Образ свадьбы-смерти в славянском фольклоре) // Фольклор и этнография: Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977. С. 188—195.

³² См.: Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки; Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. М., 1958.

³³ Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы. М.; Л., 1952. С. 46.

³⁴ Параллели к этому сюжету см.: Саваченко С. В. Русская народная сказка (История собирания и изучения). Киев, 1914. С. 41. С. В. Завадская указала на вероятное влияние Хроники Георгия Амартола, а именно эпизода о взятии и разграблении Навуходоносором Иерусалима, на концовку рассказа о расправе Ольги с жителями Искоростеня: Завадская С. В. Четвертая мсть княгини Ольги в Повести временных лет и византийский хронограф // Внешняя политика Древней Руси / Юбилейные чтения, посвященные 70-летию чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто: Тез. докл. М., 1988. С. 29—31.

³⁵ Лев Диакон пишет о воинах Святослава: «И вот, когда наступила ночь и засиял полный круг луны, скифы вышли на равнину и начали подбирать своих мертвецов. Они нагромоздили их перед стеной, разложили много костров и сожгли, заколов при этом по обычаю предков множество пленных, мужчин и женщин. Совершив эту кровавую жертву, они задушили (несколько) грудных младенцев и петухов, топя их в водах Истра» (Лев Диакон. История. С. 78). См. также: Повесть временных лет. Ч. 2. С. 303.

³⁶ Ср.: Виралайнен М. Н. Загадки княгини Ольги (Исторические предания об Олеге и Ольги в мифологическом контексте) // Русское подвижничество. М., 1996. С. 65.

³⁷ По мнению М. Н. Виралайнен, «загадки княгини Ольги (ладья, баня и пир) не только загаданы в ситуации, характерной для сказки, развивающей свадебную тематику, — они соответствуют определенному типу сказочного сюжета: № 513 А и 513 В по классификации Аарне-Томпсона» (Виралайнен М. Н. Загадки княгини Ольги... С. 65).

лянские послы (они могут быть сопоставлены со сказочными «помощниками героя») не способны решить ни одной из «задач» Ольги. Здесь можно усмотреть торжество нового, уже не «сказочного» сознания над архаическими представлениями древлян. Действительно, Мал ведет себя согласно нормам, отраженным сказкой: убив «царя», он по этим архаическим нормам получает законное право на его дочь (= вдову) и его царство.³⁸ Ольга, осведомленная в этих обычаях, но уже свободная от них, решает сыграть на этом. Если для Мала его намерения исполнены серьезности, то для Ольги это именно игра; их встреча — это столкновение двух мировоззрений, различных стадияльно.³⁹

В своей сумме эпизоды мщений составляют подлинное художественное произведение. В них нет прямых оценок, дидактических поучений, деклараций — даны характеры, разные уровни сознаний, и они приведены в столкновение. Симпатии автора, конечно, на стороне Ольги, ибо изображение древлян окрашено иронией. В диалогах, в горделивых позах, в реакциях на слова Ольги они выглядят фольклорными дурнями. Их гибель — справедливое возмездие за их злодеяния. Но сверх того она оправдана тем свадебным ритуалом, который отражен сказкой. Ольга казнит их как бы не за убийство мужа, а за то, что они недогадливые сваты, не способные решить загадки невесты, ибо плохо осведомлены в «тайнах, специфических для того родового объединения», на брак с властительницей которого они претендуют. Они не выдерживают испытания обрядом инициации, через который обязан был пройти жених.⁴⁰

Поляно-древлянская борьба, видимо, имела самый серьезный характер — в ПВЛ есть тому свидетельства.⁴¹ Но стоило историческим событиям попасть в сферу художественного осмысления, облечься в рамки сказочного сюжета, как оказалось, что самое интересное в них — хитрость женщины, которой враги предложили роль невесты и которая сумела воспользоваться этой ролью в своих целях. Действительная борьба между землями внутри государства заслонилась Ольгой. В то же время литературное оформление этих событий в ПВЛ ясно указывает, что уже тогда в русском фольклоре существовал сюжет о сватовстве к «неприступной царевне», в основе которого лежало отгадывание загадок, решение «трудных задач». Чуждый поэзии А. Л. Шлецер верно ощутил сказочность этого сюжета.⁴²

³⁸ Прочитируем еще раз Дж. Фрэзера: «Там, где господствуют такого рода обычаи и представления, царская власть, очевидно, является простым дополнением к браку с женщиной царской крови» (Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1980. С. 180).

³⁹ См.: Повесть временных лет. Ч. 2. С. 297. Не совсем точно в комментарии сказано об «отказе Ольги»: в том-то и дело, что она не отказывает, а принимает свадебную игру, только играет в нее по-своему. О неравномерности развития отдельных славянских племен см.: Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 364—365.

⁴⁰ В том, что мы апеллируем одновременно к сказочному сюжету и архаическому обряду, нет противоречия: сказка выростала из обрядов — инициации, похоронного и свадебного. Кроме упомянутых выше работ В. Я. Проппа и Е. М. Мелетинского см.: Мелетинский Е. М. Народный эпос // Теория литературы: Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры литературы. М., 1964; Еремич В. И. Ритуал и фольклор. Л., 1991; Мелетинский Е. М., Неключев С. Ю., Новик Е. С. Статус слова и понятие жанра в фольклоре // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994. С. 39—104. Отдельные элементы сюжета удобнее рассматривать через призму обряда, сам же сюжет — через сказку. Жанрообразующую роль сказки для этих летописных эпизодов кроме М. Н. Виролайнен и нас признает и Иллана Чекова: Чекова И. Эпос, мифы и мифологемы в древнейшем летописании Киевской Руси // Ruthenica. Киев, 2003. Т. 2. С. 88.

⁴¹ По оценке А. Н. Насонова, «постепенное присоединение к киево-полянской территории земли древлян было в сущности основным фактом образования областной киевской территории» (Насонов А. Н. История русского летописания. М., 1969. С. 42).

⁴² А. Л. Шлецер справедливо заявлял, что вся история борьбы Ольги с древлянами — сказка, «однако в сих сказках есть что-то похожее на правду; только вся эта правда может заключаться

Мы вполне разделяем традиционные представления о том, что древнерусский писатель стремился следовать действительным событиям и что именно события становились, в сущности, главным «героем» произведения, а человек попадал в сферу внимания лишь как «участник событий и занимал по отношению к ним служебное положение». ⁴³ Причем часто события как бы не зависят от воли человека, не он их источник, на это есть другие, сверхчеловеческие инстанции — божественная или дьявольская: человек лишь исполнитель, правда, в достаточной степени ответственный, ибо он может выбирать. В истории же борьбы Киева с древлянами основным объектом внимания оказывается Ольга. Она же является и источником событий, их успешным провокатором. Такое перемещение акцентов можно объяснить только тем, что здесь формообразующую роль сыграла сказка — единственный из всех эпических фольклорных жанров, нацеленный на изображение отдельного человека и его судьбы. ⁴⁴ В то же время необходимо всячески подчеркнуть, что летописная Ольга в сущности опрокидывает сказку, оборачивает сказочный сюжет: торжествует не жених, добывающийся царевны, а царевна творит расправу над женихом. Четвертую мечь Ольги можно рассматривать как дополнительный сказочный ход все с тем же испытанием жениха *Мала*. Ольга настойчиво повторяет: «дань имати по-малу», «мало у вас прошу», «прошу у вась *мало*» («прошу *мала*», но «жених») (древляне) опять не способен распознать скрытых значений слов невесты. ⁴⁵ Оставаясь «внутри сказки» (представлений и норм, породивших сказку), Ольга переиначивает смысл сюжета, меняет знаковое расположение персонажей.

Визит Ольги в Константинополь — исторически документированный факт. Poleмику вызывают лишь датировка этого события и круг проблем, решаемых Ольгой в ходе этого визита. ⁴⁶ Но в летописи рассказ об этом визите вылился в средневековую новеллу, еще очень близкую к новеллистической сказке. Ольга

в следующем: 1. Древляне, которые со времени Олега сделали данниками Русской державы, убили Игоря. 2. Что они вздумали женитьбою князя своего на овдовевшей Ольге избавиться от мшеница и государство свое сравнять с киевским: это было бы вероятно, если бы Ольге не было уже под 60 лет. 3. Ольга, как смелая правительница, хотела не токмо покорить опять возмущившихся, но и наказать их строго за умерщвление своего мужа. Войско ее разбило древлян в сражении; после чего она осадила их столицу и через год, взяв оную, razорила и опустошила всю землю до того, что хотя она еще и досталась в удел одному из Святославовых детей, но после истребилось даже и название оное» (Н е с т о р. Руския летописи на древле-славенском языке, сличенные, переведенные и объясненные Августом Лудовиком Шлецером. СПб., 1819. Ч. 3. С. 342—343). Примерно тот же круг реалий очерчивается и современными исследователями: Повесть временных лет. Ч. 2. С. 296—297.

⁴³ П р о к о ф ъ е в Н. И. О мировоззрении русского средневековья и система русской литературы XI—XVI вв. // Литература древней Руси: Межвуз. сб. науч. трудов. М., 1975. Вып. 1. С. 32.

⁴⁴ См.: Ш а й к и н А. А. Сказка и новелла // Изв. АН КазССР: Серия общественная. Алма-Ата, 1973. № 6. С. 47—55.

⁴⁵ А. С. Демин считает, что Ольга «снова не обманывала, добываясь уже не мести, а гораздо большего. Ольга потребовала от древлян их князя, то есть всей их независимости, которую и искоренила полностью. С тех пор о древлянах как о племени летопись не упоминает» (Д е м и н А. С. О художественности древнерусской литературы. С. 102). На игру с корнем «мал» указывал Д. С. Лихачев: Повесть временных лет. Ч. 2. С. 303.

⁴⁶ См.: О б о л е н с к и й Д. К. К вопросу о путешествии русской княгини в Константинополь в 957 г. // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 36—47; Л и т а в р и н Г. Г. К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения княгини Ольги // Древнейшие государства на территории СССР: 1985. М., 1986. С. 49—57; В ы с о ц к и й С. А. О дате поездки посольства Ольги в Константинополь // Древние славяне и Киевская Русь. Киев, 1989. С. 154—161; Н а з а р е н к о А. В. 1) Когда же княгиня Ольга ездила в Константинополь? // ВВ. 1989. Т. 50. С. 66—82. (См. там же ответное мнение Г. Г. Литаврина: с. 83—85); 2) Еще раз о дате поездки княгини Ольги в Константинополь: Источниковедческие заметки // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования: 1992—1993. М., 1995. С. 154—168; 3) Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки... М., 2001. С. 219—310.

собиралась принять крещение, но император Константин, пораженный ее красотой (А. С. Демин полагает — красотой внутренней, но Ольга в этот момент еще «погана»), захотел жениться на ней: «Подобна еси царствовати в граде с нами». Ольга выбирает единственно возможный выход из создавшегося щекотливого положения. Вначале она ссылается на свое язычество — «Аз погана есмь», которое делает их брак невозможным, а затем Ольга вынуждает императора лично крестить ее, что делает невозможным их брак уже по христианским обычаям, так как она становится крестной дочерью императора: «Како хочеши мя пояти, крестивъ мя самъ и нарекъ мя дщерею? А въ хрестеянехъ того нѣсть закона, а ты самъ вѣси». Слишком поздно догадавшись об истинном смысле ее ловкого хода, император вынужден признать: «Переклюкала мя еси, Ольга» (С. 44).⁴⁷ Отметим, что и в этом случае Ольга выигрывает состязание в знании обычаев, связанных с женитьбой. Усматривая здесь развитие единого типа повествований, исследователь XIX в. писал: «Оторванные от точной хронологии и витавшие в просторной области памяти такие предания переносились с почвы древлянских событий в Византию, и сватающийся император заступил место Мала, жаждавшего брака с киевскою вдовою. Старая тема получила тут новую форму, и хитро-мудрая княгиня новым оружием христианских обычаев победила своего воспреемника».⁴⁸

Мы видим, что Ольга опять «опрокидывает»; «оборачивает» сказочный сюжет: если сказочные мудрые девы (АТ 875 со всеми подтипами), как и их литературная сестра Феврония, с помощью хитрости-мудрости стремятся достичь брачного статуса, то Ольга использует это оружие для того, чтобы избежать брака. Нам неизвестны сказки, в которых невесты одолевают своих женихов и успешно избегают нежеланного брака.⁴⁹ Если в ситуации с древлянами такое «оборачивание» сказочного сюжета можно объяснить влиянием действительных событий, то для оставления «с носом» греческого царя никаких реальных оснований неизвестно (кроме чисто гипотетических предположений о возможных надеждах Ольги на брак своего сына Святослава с греческой принцессой, но при таком допущении «оборачивается» не только сказочный сюжет, но и реальность: в таком браке Ольге было отказано⁵⁰).

Правоммерно поставить вопрос, где — в фольклоре или уже в письменном воплощении — происходит это «оборачивание» фольклорных сюжетов. Соблазнительно было бы предположить, что «смена знаков» происходит в процессе

⁴⁷ Константин Багрянородный, принимавший Ольгу, оставил несколько иное описание того, как проходил прием русской княгини в императорском дворце: Известия византийских писателей о северном Причерноморье. М.; Л., 1934. Вып. 1. С. 47—48 (Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Вып. 91).

⁴⁸ Хрущов И. П. О древнерусских исторических повестях и сказаниях. XI—XIII столетие. Киев, 1878. С. 114. Трактовку этого эпизода как некоей мифологемы см.: Чекова И. Эпос, мифы и мифологемы... С. 88—90.

⁴⁹ Ситуация в повести XVII в. о Тверском Отроче монастыре лишь подтверждает это соображение: «вешая» героиня избегает брака, но только для того, чтобы обрести настоящего жениха, см.: Семьячок С. А. Повесть о Тверском Отроче монастыре: Исследования и тексты. СПб., 1994. Сказочная героиня может стремиться всеми способами, вплоть до превращения в мышь, избежать брака, но тщетно. См.: АТ № 402* // СУС. С. 129. Близки к Ольге «невесты» в сказках «Безногий и слепой богатыри» (Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Изд. подгот. Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков. М., 1985. Т. 2. № 198—200). Невесты здесь всячески стремятся извести жениха, точнее его помощника Катома-дядьку, и даже добиваются успеха, но только на время: Катомы возвращает свои возможности и либо усмиряет невесту, вынуждая ее дальше жить с Иваном-царевичем в любви (№ 198, 200), либо невесту казнят (№. 199).

⁵⁰ См., например: Назаренко А. В. «Мудрѣиши всѣхъ человѣкъ»: крещение княгини Ольги как факт международной политики // Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 300—303.

письменного воплощения фольклорных источников и уже сформулирован подходящий для таких форм термин — «летописная сказка».⁵¹ Тут напрашивается аналогия: в эпосе и сказке сюжеты змеборства возникают как *отрицание* обряда поклонения змею — хозяину природных стихий; отсюда можно предположить, что при переходе в письменную форму происходит переименование фольклорных ситуаций, тем более, что в наличном репертуаре русской сказки такого рода «обороченные» сюжеты не зафиксированы. Но, во-первых, приводимые в нашей статье летописные материалы показывают, что «смена знаков» происходит далеко не всегда; во-вторых, структура летописного эпизода о визите Ольги в Константинополь с очевидностью обнаруживает «фольклорный» и «литературный» слои, которые без труда разделяются, и собственно фольклорный «остаток» содержит полный «обороченный» сюжет о том, как Ольга не вышла замуж,⁵² т. е. «оборачивание» произошло уже на фольклорной стадии бытования сюжета. Поэтому мы должны предположить, что сказочный репертуар, фиксируемый записями XIX—XX вв., не отражает всей полноты сюжетов предшествующих столетий.

В том, как на начальных этапах складывается судьба Владимира, есть нечто хорошо знакомое. *Царь-отец* (Святослав) перед смертью делит свое «имущество» между *тремя сыновьями*. *Младшему*⁵³ достается то, от чего отказались старшие братья (Новгород, от которого «отпрѣся Ярополкъ и Олегъ»). Младший к тому же еще и ушербен: в сказках именуется *дураком*, в летописи у него сомнительное, *низкое* происхождение («Володимеръ бо бѣ отъ Малуши, ключницѣ Ользины»). Но сказка всегда умеет обратить *низкое* в *высокое*, *низкий* герой всегда добивается того, в чем был обделен: Владимир становится в конце концов киевским князем и «самовластцем» всей Руси. Летописное развитие судьбы Владимира соответствует сказочной схеме.⁵⁴

Ярополкъ захватывает Древлянскую землю и убивает брата Олега. В сюжет включается Владимир.

Герою даются сведения о вредителе и герой «скрывается» ($w^2 \uparrow$):⁵⁵ «Услышав, яко Ярополкъ уби Ольга, убоявсѣ бѣжа за море». В реальности летописного повествования это бегство Владимира — поступок сомнительного свойства, недаром летописец позволил себе достаточно резкое словоупотребление: «убоявсѣ бѣжа».

Вредительство (А): «А Ярополкъ посадники своя посади в Новѣгородѣ, и бѣ володѣя единъ в Руси» (С. 54).

Начинающееся противодействие (С): «В лѣто 6488. Приде Володимеръ съ вараги Ноугороду, и рече посадникомъ Ярополчимъ: Идѣте къ брату моему и рцѣте ему: Володимеръ ти идеть на тя, пристраивайся противу биться. И съде в Новѣгородѣ» (С. 54).

⁵¹ Чекова И. 1) Летописное повествование о княгине Ольге под 6453 г. С. 98; 2) Эпос, мифы и мифологемы... С. 88.

⁵² Анализ строгения этого эпизода проделан нами в другой статье, которая пока не опубликована.

⁵³ Реальное старшинство детей Святослава — вопрос, которого мы здесь не касаемся.

⁵⁴ В дефинициях сказочной схемы опираемся на упомянутые выше работы В. Я. Проппа, Е. М. Мелетинского и др., А. М. Еременко.

⁵⁵ Последователи В. Я. Проппа полагают, что «убегание „скромного“ героя или скрывание его под личиной и поиски виноватого — это негативный вариант дополнительного испытания. Учитывая многовалентность, синкретизм функции, можно сказать, что убегание или прятанье героя под личиной функционально соответствует (как негатив позитиву) одновременно и самозванству ложного героя, и насильственному удалению (заколдованию) героя его соперниками» (Мелетинский Е. М. и др. Проблемы структурного описания волшебной сказки. С. 23).

Сказочный герой обычно получает царство вследствие женитьбы на царевне, на которую претендуют и старшие братья. Есть *царевна* и в летописном рассказе. История женитьбы Владимира на Рогнеде предшествует финалу его распри с Ярополком не только по соображениям военно-политического характера,⁵⁶ но и по закону сказочного развития. Летописная Рогнеда враждебна жениху-Владимиру, как и сказочная невеста (см. выше об Ольге), правда, по причинам вполне конкретным: «Не хочю розути робичича, но Ярополка хочю». *Старший брат*, Ярополк, тоже претендовал на Рогнеду: «В се же время *хотяху* Рогънѣдъ вести за Ярополка», но в дело вмешался *третий сын*. Как отмечалось выше, сказочному герою, претендующему на царство, приходится вступать в борьбу с отцом невесты, *старым царем*. Летописный Владимир захватывает Полоцк, убивает Рогволда (*старого царя*), а Рогнеду «поя» себе в жены. Этот фрагмент может быть квалифицирован как сказочное «предварительное испытание героя» (Д¹) и «выдержанное испытание» (Г¹). Но подробности того, каким образом «царевна» досталась Владимиру в летописи, далеки от сказочной схемы.⁵⁷

Герой начинает борьбу с антагонистом,⁵⁸ «перемещение к месту назначения» (R): «И поиде на Ярополка. И приде Володимеръ Киеву съ вои многи, и не може Ярополкъ стати противу, и затворися Киевъ с людми своими и съ Блудомъ; и стояше Володимеръ обрывя на Дорогожичи, межю Дорогожичемъ и Капичемъ, и есть ровъ и до сего дне» (С. 54).

Получение волшебного средства = (по Мелетинскому и др.) *различные персонажи представляют себя в распоряжение героя* (Z⁶, Z⁶): «Володимеръ же посла къ Блуду, воеводѣ Ярополчю, съ лествю глаголя: „Попрый ми! Аще убью брата своего, имѣти ты хочю во отца мѣсто, и многу честь возьмешь от мене: не язъ бо почаль братью бити, но онъ. Азь же того убоявья придохъ на нь“. И рече Блудъ къ посломъ Володимеримъ: „Азь буду тобѣ в сердце и въ приязньство“» (С. 54). Разумеется, в переманивании воеводы нет ничего чудесного, но функционально помощь Блуда тождественна действиям сказочного *помощника героя*. Комментарий летописца намерения Блуда: «О злая лесьть челоувѣческа!» и т. д. — из другого, нефольклорного регистра.

Итог борьбы Владимира с Ярополком в функциональном и структурном отношении аналогичен сказочному — *герой получает царство*.⁵⁹ Но по своим подробностям в летописном изложении рассказ этот, как и сюжет о распри Ярополка с Олегом, ближе к «повестям о княжеских преступлениях». Борьба Владимира с Ярополком в *сказочном коде* — это борьба *героя с ложным героем* и одновременно *антагонистом*, а именно «победа в негативной форме»: ложный герой не принимает боя, прячется, а герой одерживает *победу* (*П¹), сюда же подходит и форма П⁵ — «убиение врага без боя». Но в летописи борьба эта полна коварства и драматизма, причем сомнительные качества обнаруживает отнюдь не *лож-*

⁵⁶ Конкретно-исторические причины сватовства Владимира к Рогнеде, вероятно, состояли в том, что, двигаясь на Киев против Ярополка, Владимир должен был либо заполучить полоцкого князя Рогволда в союзники, либо устранить возможную опасность со стороны Полоцка, что и было осуществлено Владимиром. См.: Леонардов Д. С. Полоцкий князь Всеслав и его время // Полоцко-Витебская старина. Витебск, 1916. Вып. 3. С. 87—99.

⁵⁷ За пределами ПВЛ в Лаврентьевской летописи под 1128 г. рассказывается, как Добрыня «повеле» еще юному Владимиру «быти с нею (Рогнедой. — А. Ш.) пред отцем ея и матерью. Потом отца ея уби, а саму поя жене и нарекоша ея имя Горислава...» (Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 300). Позже в Корсуни Владимир повторяет этот «подвиг», см.: Повесть временных лет. Ч. 2. С. 336.

⁵⁸ В Ярополке совмещаются черты «антагониста» и «ложного героя»: претендует на «невесту».

⁵⁹ По мысли А. М. Еременко, «исторический сюжет имеет, как правило, другую, отличную от сказки, концовку» (Еременко А. М. Событие бытия... С. 38), но летописная история Владимира до момента вокняжения в Киеве — это финал определенного развития — имеет и концовку, отвечающую сказочной.

ный герой: Владимир «лестью» переманил на свою сторону воеводу Ярополка Блуда, и летописец, не решаясь на прямые инвективы в адрес князя, гневно обличает того, кто помогает Владимиру. Блуд внушает Ярополку, что киевляне готовы предать его и покориться Владимиру, Ярополк покидает «в действительности верный» ему Киев⁶⁰ и затворяется в Родне. Владимир осаждает и этот город. Осажденные терпят такие лишения, что в народе сложилась поговорка «беда аки в Родне» (С. 55). А. А. Шахматов обратил внимание на игру слов в этой поговорке, которая в Ермолинской летописи получает распространение: «Беда аки в Родне: брат брата убил...»,⁶¹ что вскоре и осуществляется. Блуд подбивает Ярополка пойти на поклон к Владимиру и, смиряясь со своей участью, надеяться на милость победителя. Сам же посылает к Владимиру весть: «Сбыться мысль твоя, яко приведу к тебе Ярополка, и пристрой убити ѱ». Один из приближенных Ярополка, Варяжко, отговаривал князя от этого шага, предсказывая убийство (мотив *предупреждения об опасности*), но Ярополк все же послушался Блуда. Сцена убийства Ярополка дана с подробностями не сказочного характера: «И приде Ярополк к Володимеру; яко полезе в двери, и подъяста ѱ два варяга мечьми под пазусе. Блуд же затвори двери и не да по нем ити своим. И тако убьен бысть Ярополк» (С. 55). Распря между сыновьями Святослава завершилась: Ярополк убил Олега, Владимир — Ярополка.

Случается, что и в сказках старшие братья гибнут из-за своекорыстия. И все, из-за чего разгорелась вражда, достается младшему. Победитель Владимир вместе с «царством» получает еще одну «царевну» — вдову Ярополка; получает он ее по тому же праву, по которому Мал претендовал на Ольгу, она — добыча победителя: «Володимеръ же залеже жену братьню грекиню <...> И нача княжити Володимеръ въ Киевѣ единь» (*сказочное С* — свадьба и воцарение*) (С. 55—56). Можно полагать, что Владимир «залеже жену братьню» не только по отмеченной в летописи его похотливости, но и по обязанности «нового» царя: только так он становился законным преемником «царства».

Подробность, сообщающая, что «грекиня» «бѣ непраздна», т. е. она была уже беременна от Ярополка, конечно, не из сказочной схемы. Вообще, в этих убийствах есть свои далеко не сказочные мотивы и оттенки.

Ярополк должен быть наказан, потому что он первый начал братоубийственную распрю. Но его гибель изображена вовсе не как торжество справедливости над злодейством, он погибает, по словам И. П. Еремина, «как агнец, от меча убийц, одинокий и беззащитный».⁶² И. П. Еремин объясняет это, исходя из своей теории фрагментарности, по которой герои и их изображение, их оценки в летописи могут меняться до противоположности в зависимости от логики и задач каждого отдельного фрагмента. Но вряд ли это так. Известное сочувствие Ярополку сквозит даже там, где он — убийца. Он вовсе не радуется гибели своего брата Олега, он испытывает чувство горечи и сожаления. Основную тяжесть вины за эту распрю летописец возлагает на Свенельда. Отсюда — нетривиальная сложность чувств и оценок: объективно гибель Ярополка должна быть осмыслена как наказание за убийство брата, тем не менее летописец скорбит о смерти еще одного князя. Может быть, его трагическая смерть от мечей наемников варягов обратным светом сказалась и на предшествующем эпизоде — гибели Олега: ведь и то и другое писала, видимо, одна рука.

⁶⁰ Имеем в виду не реалии, а текст.

⁶¹ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 483—484.

⁶² Еремин И. П. Повесть временных лет: Проблемы ее историко-литературного изучения. Л., 1946. С. 90.

Схему сказочного развития можно усмотреть и в летописном сюжете, связанном с Владимиром, об «обретении веры» — так называемой Корсунской легенде. Ограничимся кратким указанием функциональных соответствий.

Поиск нового вероисповедания может быть отождествлен с начальной сказочной функцией «недостачи» (a^6 — «недостача в иных формах»);

«отправка» героя (\uparrow) — «иде Володимерь съ вои на Корсунь, град гречьский».

D^1_{neg} — испытание героя. Владимир безуспешно осаждает Корсунь; корсунцы по ночам ликвидируют насыпь перед стенами.

Z^2 — овладевание волшебным средством: стрела Настаса с запиской о водопроводе (одновременно это w^2 — герою даются сведения о вредителе).

P, P^2 — победа над вредителем в форме превосходства в состязании: Владимир «переигрывает» греческих царей в словесном состязании (обмен посланиями) и настаивает на своих условиях; цари исполняют волю Владимира — присылают принцессу Анну.

D, Z — второе испытание Владимира: слепота и прозрение (временная слепота может быть рассмотрена и как сказочное «клеяние» К героя).

C^* — свадьба и обретение веры («царство небесное» вместо «царства земного»).

Близость к сказочной схеме указывает на фольклорное бытование Корсунской легенды и тем самым свидетельствует против греческого авторства этого текста.⁶³

По поводу жанровой принадлежности рассказа о кожемяке высказывались разные точки зрения. Н. И. Костомаров связал этот сюжет с «древними общечеловеческими мифами <...> о борьбе с чудовищем и об освобождении от него угнетенных существ».⁶⁴ В. Ф. Миллер рассматривал его в кругу сюжетов, связанных с «Владимировым циклом» русских былин,⁶⁵ с былинами его связывали А. И. Никифоров, Д. С. Лихачев.⁶⁶ Суждения Б. Н. Путилова по этому поводу противоречивы. С одной стороны, исследователь допускал, что «летописец воспользовался былинной об отбитом нашествии <...> и подверг эту былинку серьезной переработке», а с другой — категорически заявлял: «былины на сюжет изложенного летописного рассказа не могло существовать». Последнее утверждение вытекает из общей концепции о том, что былины не могли складываться на основе конкретного исторического события.⁶⁷ Положительного определения жанровой принадлежности этого летописного эпизода Б. Н. Путилов не дает. Л. И. Емельянов полагал, что это — предание, подвергшееся «значительному влиянию былинной эстетики».⁶⁸ С. Н. Азбелев, привлекая достаточно широкий восточноевропейский фольклорный материал, приходит к убеждению о близости этого сюжета не к былине, а к сказке.⁶⁹

⁶³ Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси: X—XII вв. СПб., 1913. С. 274—279, 302—305. Причастность греко-корсунского духовенства к сложению Корсунской легенды предполагал и Е. Е. Голубинский (Г о л у б и н с к и й Е. Е. История русской церкви. М., 1880. Т. 1, 1-я пол. С. 106—124).

⁶⁴ Костомаров Н. И. Предания первоначальной русской летописи в соображениях с русскими народными преданиями в песнях, сказках и обычаях // К о с т о м а р о в Н. И. Собр. соч. СПб., 1904. Т. 13. С. 164.

⁶⁵ Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности: Былины и исторические песни. М.; Л., 1924. Т. 3. С. 22—23.

⁶⁶ Никифоров А. И. Фольклор киевского периода // История русской литературы. Т. 1. Литература XI—начала XIII вв. М.; Л., 1941. С. 250; Лихачев Д. С. Исторические песни и предания X—первой половины XI века // Русское народное поэтическое творчество. Т. 1. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X—начала XVIII вв. М.; Л., 1953. С. 180.

⁶⁷ Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI вв. М.; Л., 1960. С. 37.

⁶⁸ Емельянов Л. И. Проблемы художественной формы устного рассказа // Русский фольклор. М.; Л., 1960. Т. 5. С. 254.

⁶⁹ Азбелев С. Н. Летописание и фольклор. С. 6—12.

Набор мнений, как видим, достаточно разноречив. Добавим еще одно. На наш взгляд, летописный рассказ о поединке юноши-кожемяки с печенегом не следует рассматривать через призму соответствия поэтике того или иного зрелого жанра фольклора: здесь очевиден еще синкретизм героического и сказочного начал в пределах единого сюжета, осложненного к тому же литературным вмешательством летописца. Так, картина «схождения» врагов выдержана отнюдь не в эпическом, а в «исторически» конкретном (даже если это псевдоисторизм) плане. В экспозиции упоминается, что Владимир в 992 г. ходил на хорватов и, возвратившись из этого похода, обнаружил, что «печенѣзи придоша по оной сторонѣ от Суль». Называются точные географические координаты места, где состоялась встреча враждебных армий: «Володимерь же поиде противу имь, и сrete я на Трубежи на бродѣ, кде нынѣ Переяславль. И ста Володимерь на сей сторонѣ, а печенѣзи на оной...» (С. 84). Возникает характерная ситуация «противостояния», когда ни одна из враждебных армий не решается начать первой сражение: «не смяху си на ону страну, ни они на сю страну». Экспозиция эта, несомненно, должна быть отнесена на счет литературного труда летописца.

Завязка, возможно, отражает реальные военные обычаи времени, но вместе с тем явно окрашена в эпические тона: «И приѣха князь печенѣжский к рѣкѣ, возва Володимера и рече ему: „Выпусти ты свой мужь, а я свой, да ся борета. Да аще твой мужь ударить моимь, да не воюемъ за три лѣта; аще ли нашъ мужь ударить, да воюемъ за три лѣта“. И разидостася разно». Так намечается эпический поединок, есть, как видим, и эпические «три года», но нет почти необходимой «эпической похвальбы» (она будет позже: пока же печенежский князь допускает возможность победы Владимирова мужа). Условие — воевать или не воевать *три* года — надо счесть одновременно и конкретно-историческим: печенеги действительно в следующий раз пришли на Русь через три года — в 996 г.

Далее вступает в силу сказочное развитие. Выясняется, что у Владимира нет поединщика, и «царь» производит *оповест*: «Володимерь же приде въ товары, и посла биричи по товаромъ, глаголя: „Нѣту ли такого мужа, иже бы ся яль с печенѣжиномъ?“». *Сказочное замедление*: «И не обрѣтася никдѣже. Недостача: «Заутра приѣхаша печенѣзи и свой мужь приведоша, а у наших не бысть».⁷⁰

Сказочный царь в такой ситуации начинает «*тужить*». «*Тужит*» и билинный Владимир, когда его покинули богатыри, а к Киеву подошел Калин-царь. Так же и в летописи: «И поча тужити Володимерь, сля по всѣмъ воемъ...».

Выручает Владимира типично сказочный персонаж (*даритель*) — невеста откуда взявшийся старец: «...и приде единъ старъ мужь ко князю и рече ему: „Княже! есть у мене единъ сынъ меншей дома, а с четырьми есмь вышель, а онъ дома“». По сказочному канону этот последний сын должен быть «третьим», а не пятым,⁷¹ но характерно то, что он — «меншей». Старец так характеризует князю своего сына: «„От дѣтства бо его нѣсть кто имь ударилъ. Единою бо ми ѡ сварящю, и оному мьнущю усние, разгнѣвався на мя, преторже череву рукама“. Князь же се слышавъ радъ бысть, и посла по нь, и приведоша ѡ ко князю, и князь повѣда ему вся» (С. 84).

В сказках имеет место «*предварительное испытание*» героя, есть такое испытание и здесь. «Сей же рече: „Княже! Не вѣдѣ, могу ли со нь, и да искусите мя: нѣту ли быка велика и силна?“». И налѣзоша быкъ великъ и силенъ, и повелѣ раз-

⁷⁰ Видимо, эту ситуацию помнит Сага о Бьёрне: «Тогда конунг стал спрашивать своих людей, пойдут ли они на поединок, но им не хотелось, потому что каждый считал, что пойдет на верную смерть, если должен будет бороться с тем витязем. А конунг тот обещал свою дружбу и другие почести, если кто-нибудь решится на это, но никто не решался» (Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. (Материалы и исследования). М., 1978. С. 75—76).

⁷¹ Показательна ошибка, вкрапшаяся в комментарий ПВЛ, где этот сын назван «третьим»: Повесть временных лет. Ч. 2. С. 347.

драждити быка; возложиша на нь желъза горяча, и быка пустиша. И побѣже быкъ мимо ѱ, и похвати быка рукою за бокъ, и выня кожу съ мясы, елико ему рука зая. И рече ему Володимерь: „Можеша ся с нимъ бороти“».

Кульминация рассказа — *поединок*. По законам эпического действия противник перед борьбой обычно хвалится, выказывает презрение к скромным физическим данным героя, грозит на одну руку посадить, другой — прихлопнуть и т. д. Есть *похвальба* и в летописном рассказе: «И наутрия придоша печенѣзи, почаша звати: „Нѣ ли мужа? Се нашъ dospѣлъ“. Володимерь же повелѣ той ноши облещися въ оружие, и приступиша ту обои. Выпустиша печенѣзи мужъ свой, бѣ бо превеликъ зѣло и страшень. И выступи мужъ Володимерь, и узрѣ ѱ печенѣзинъ и посмѣяся, — бѣ бо середний тѣломъ. И размѣривше межи обѣма полкома, пустиша я к собѣ. И ястася, и почаста ся крѣпко держати, и удави печенѣзина в руку до смерти. И удари имь о землю» (С. 84).

Развязкой становится полная *победа* Руси над печенегами: «И кликнуша, и печенѣзи побѣгоша, и Русь погнаша по них сѣкуще, и прогнаша я» (С. 84—85).

В эпилоге Владимир закладывает город в честь победы отрока-кожемяки и «нарече ѱ (город. — *А. Ш.*) Переяславль, зане перя славу отроко ть». Победители *награждаются*: «Володимерь же великимъ мужемъ створи того и отца его». «Победа» и «*награда героя*» венчают и сказочное развитие. В результате победы восстанавливается утраченная гармония: «Володимерь же възвратися въ Киевъ с побѣдою и съ славою великою» (С. 85).

Итак, в летописном рассказе действительно наблюдается синкретизм черт, присущих эпосу героическому и эпосу сказочному. Подобно героям былин, отрок-кожемяка сражается по поручению князя Владимира и за интересы всего государства; он не преследует, в отличие от героя сказки, личных целей. Как и в былинах, отошедших от мифологического эпоса и перешедших на историческую почву, противником героя является не чудовище, а исторически конкретный враг, но, как и бывает в эпосе, враг отличается большими размерами — «бѣ бо превеликъ зѣло и страшень» — и гордыней: он смеется над героем — «бѣ бо середний тѣломъ». Поединок, хотя и лишен эпических атрибутов вроде палицы «в девяносто пуд», проходит тем не менее по эпическим законам.

Однако имеется и немало особенностей, сближающих этот летописный текст со сказкой. Во-первых, герой оказывается «меньшим» сыном, что характерно для сказки, а не для героического эпоса. Эпический богатырь самодетелен, давно отмечено, что у былинных богатырей как бы нет отцов. Отрока-кожемяку приводит отец, «единъ старъ», да и образ старика, выручающего «царя», явно идет из повествований, близких сказке. Подчеркиваемое здесь «низкое» социальное происхождение героя опять черта скорее сказочная, чем эпическая. Богатырь всегда известен, или, если он впервые встречается с князем, сам заявляет о себе и доказывает свое богатырство («Илья и Соловей»). Не былинным выглядит здесь и Владимир: он не окружен богатырями, он, как и сказочный царь, оказываясь в затруднительном положении, проводит оповест, и неведомые прежде старик и его сын (а не всем известный богатырь) выручают «царя» из беды. Богатырь всегда сам или с несколькими товарищами побивает врага. В летописи конечная победа принадлежит Владимиру и его войску. Это не сближает летописный эпизод со сказкой, но и с эпосом тут нет общности: видимо, это надо отнести на счет исторической конкретности летописца.

Наконец, былинный богатырь не получает награды за свой подвиг. Былинный Владимир пытается иногда наградить богатыря, но богатырь всегда отказывается от награды: он сражается не за личные интересы, а за интересы народа и государства.⁷² Кожемяка же награждается, и награду он принимает. Однако

⁷² Пропп В. Я. Русский героический эпос. 2-е изд. М., 1958. С. 5—6.

в характере награды есть нечто «эпическое»: Владимир сделал отрока «великим мужем», и, может быть, это надо понимать как производство в богатыри, подобно тому как былинный Владимир признает Илью и принимает его в круг своих богатырей после того, как убедился в его победе над Соловьем.

Рассказ о кожемяке не несет в себе следов песенной поэтики, обязательной для героического эпоса. Это явно устный прозаический рассказ со сказовыми интонациями.

В эпосе, как он известен нам, всегда есть дистанция между временем действия и временем рассказывания. Причем это не просто фиксация хронологии, а принципиальное отнесение воспеваемых событий в прошлое как в особую героическую эпоху.⁷³ В летописи же рассказ предельно приближен к настоящему, он выглядит как рассказ очевидца, сообщаемые подробности и сказовые интонации еще резче подчеркивают это. Свидетельством очевидца звучит фраза: «Заутра приѣхаша печенѣзи и свой мужь приведоша, а у наших не бысть». По всей вероятности, перед нами здесь предание, в основе которого лежал конкретный случай, осмысленный в рамках древнего сюжета о борьбе-поединке с врагом (чудовищем или великаном, затем просто большим печенегом).⁷⁴ Ко времени включения в летопись рассказ не набрал еще той эпической удаленности и обобщенности, которые свойственны «отстоявшимся» фольклорным формам; в нем, словно рассказываемом по памяти, сказка и былина еще не разошлись по разным дорогам, здесь есть возможности и того, и другого развития.

Но в то же время высокая композиционная организованность и стройность этого рассказа, сочетание эпического лаконизма с вниманием к конкретным деталям, выполняющим художественные функции, делают его по-своему образцовым. Он мог бы войти в какую-нибудь «риторику» или «пиитику» как пример композиционного построения с экспозицией, завязкой, кульминацией, развязкой и даже с эпилогом. При этом объем рассказа не превышает страницы печатного текста.

Элементы сказочного развития могут быть усмотрены в событиях 1015—1019 гг. В Святополке с точки зрения сказочной схемы совмещаются черты *ложного героя* и *антагониста*, героем является Ярослав. Убийство Бориса и Глеба в рамках сказочных функций — *вредительство* (А); весть Ярославу от Предславы — *беда сообщается герою* (В). *Начинающееся противодействие* (С) — выступление Ярослава с варягами и новгородцами.

Конфликт Ярослава с новгородцами из-за варягов может быть трактован как *предварительное испытание героя*, которого он вначале не выдерживает (избивает новгородцев), но затем раскаивается, просит прощения и получает *средство борьбы* с врагом — помощь новгородцев.

Если учесть вариант Н1Л, то в фигуре осведомителя Ярослава из стана Святополка усматривается функциональный аналог сказочного *дарителя*, снабжающего героя *волшебным средством* — информацией о подходящем моменте для нападения.

⁷³ См.: Бахтин М. М. Эпос и роман // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 458—459; Пропп В. Я. Фольклор и действительность // Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избр. статьи. С. 102—103; Шайкин А. А. Художественное время волшебной сказки // Изв. АН КазССР. Серия общественная. Алма-Ата, 1973. № 1. С. 37—48.

⁷⁴ Поразительна, однако, живучесть некоторых мотивов в фольклоре. В 1969 г. у поморов было записано предание, где мальчик по-прежнему разрывает если не кожи, то не менее крепкие рукавицы поморов — «вачаги», а затем побеждает «владыку-воина»: Северные предания (Беломорско-Обонежский регион) / Изд. подгот. Н. А. Криничная. Л., 1978. № 144. Владыка-воин. С. 100. Мотив разрыва кожи встречается в тексте № 91. Иван Донской. С. 74—75.

Обязывание воинами Ярослава своих голов платками (Н1Л) имеет соприкосновение со сказочной функцией *клеящего героя* (К).

В сюжете есть сказочно-эпический *нахвальщик* — воевода Святополка (Волчий Хвост), задирающий новгородцев и Ярослава.

Все это так, но вне сказочной схемы остается самое важное в этих событиях — поведение Бориса и Глеба ввиду очевидной расправы над ними и **трепетно-благочестивые размышления** летописца, осмысливающего погибель князей. Внесобытийный, внутренне психологический, моралистический элемент не мог иметь соответствий в сказочной схеме — фольклор для этого не приспособлен, этот элемент — достояние собственно литературного творчества русского средневековья.

Таким образом, течение русской истории в ПВЛ иногда облекается в сказочные формы: в частности, в повествовании о мщениях Ольги древлянам и в рассказе о вокняжении Владимира Святославича. Но в обоих случаях реальная действительность не умещается в сказочные схемы. В первом случае сказочная схема (в том виде, как она известна нам по записям XIX—XX вв.) вовсе опровергается, Ольга играет по этой схеме в свою собственную игру. Внук Ольги реализует тот тип сказочного развития, который приводит «младшего» и «обездоленного» персонажа к торжеству над старшими и по очевидности более сильными конкурентами,⁷⁵ но и в этом случае отступления от классической схемы сказки слишком значительны. Поведение Владимира и оценка этого поведения автором — уже не безымянным коллективом, а автором индивидуальным, летописцем — далека от сказочной однозначности.

Сказочное появляется в летописи там, где герой начинает творить историю в контурах некоей семейной ситуации: Ольга решает вопросы брачного характера; «невинно-гонимый и социально-обездоленный»⁷⁶ Владимир перераспределяет «отцовское наследство», и это, как и в сказке, сопряжено с «повышением» социального статуса через брак с царевной. Сказке достаточно одной царевны и одного брака, у летописного Владимира всякая крупная акция завершается брачным актом. Даже обращение в новую веру у Владимира связано с брачными церемониями, впрочем, как и у Ольги, хотя намерения у них противоположны. Ольга крестилась по ходу сватовства к ней, избежав ненужного ей брака, Владимир крестится, добиваясь брака (разумеется, имеем в виду лишь «повествование», а не реальный акт крещения⁷⁷). И в том и в другом случае крещение оказывается элементом свадебной игры, конститутивной для сказки. И в том и в другом случае герои летописи как бы «добывают» крещение, ликвидируя сказочную «недостачу».⁷⁸

Следов сказки в ПВЛ не очень много. Кроме «семейных» рамок, сказка появляется тогда, когда героем событий оказывается инициативная личность, беру-

⁷⁵ Замечено, что «регулярность династической истории Святославичей очевидна: в каждом из четырех поколений борьба за власть приводит к победе младшей ветви и завершается окончательным ее утверждением на киевском престоле» (Се н д е р о в и ч С. Я. Метод Шахматова, раннее летописание и проблема начала русской историографии // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). М., 2000. С. 484).

⁷⁶ Выражение А. Н. Веселовского, разработанное в монографии Е. М. Мелетинского «Герой волшебной сказки».

⁷⁷ Впрочем, по справедливому мнению В. Я. Петрухина, «разделять в этих описаниях традицию и реальность нельзя так же, как нельзя и механически подчинять их действию „фольклорных законов <...> суть здесь как раз в переходе от фольклора к истории”» (Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). С. 113).

⁷⁸ Об этом же говорит и В. Я. Петрухин: «Собственно древнерусской традиции свойствен архаичный мотив „недостачи” — отсутствия порядка, правды — и восполнения этой недостачи: это — один из универсальных этнологических мотивов фольклора, перешедших в раннеисторические тексты» (Петрухин В. Я. Древняя Русь... С. 111).

шая на себя ответственность за разрешение сложных коллизий. При этом почти обязателен социальный «демократизм» героя: это может быть дряхлый, но мудрый старец из Белгорода, научивший осажденных сварить кисель и обмануть печенегов, безвестный отрок, анекдотически, якобы в поисках своего коня, обманывающий тех же печенегов, «хитрый» воевода (Претич), безвестный отрок-кожемяка; княжеский статус Ольги как бы «демократизируется» ее полом; Владимир сопоставим со сказочным героем потому, что он «младший» из братьев и к тому же «ущербен» в своем происхождении. Сказочные герои, как и упомянутые нами летописные, причастны лукавству и обману, но если начинает обманывать, «льстить» не «сказочный» князь, то получается не занимательная история, а тяжелое преступление, вроде злодеяний Святополка Окаянного или ослепления Василька Теремовльского.